

Н. М. Карамзин

"Генриада",

героическая поэма господина Вольтера, переведенная с французского языка стихами

Воспроизводится по изданию: Н.М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964.

Оригинал здесь - <http://www.rvb.ru>

"Генриада" есть одна из тех поэм, которых главное достоинство состоит не в великих новых мыслях, не в живых, с самой природы взятых образах, но в красоте стихов. Тем труднее переводить ее. Здесь надобно не только выразить мысли поэтов, но и выразить их с такою же точностию, с такою же чистотою и приятностию, как в подлиннике; иначе поэма потеряет почти всю свою цену. Но какие препятствия надобно преодолеть переводчику! Кроме некоторой негибкости нашего языка, мера и рифма составляют такую трудность, которую едва ли бы и сам Вольтер, переродясь в русского, преодолеть мог. Одним словом, легче (по моему мнению) сочинить на русском языке эпическую поэму в двадцать песней, нежели перевести хорошо десять песней "Генриады".

Второй перевод сей поэмы (так же, как и первый, вышедший за несколько лет перед сим в Петербурге) нимало не опровергает моего мнения. Читатель позволит мне привести некоторые места из одного и сравнить их с подлинником. - Вольтер предлагает содержание своей поэмы в следующих шести стихах:

Je chante ce Heros qui regna sur la France
Et par droit de conquete, et par droit de naissance;
Qui par de longs malheurs apprit a gouverner,
Calma les factions, fut vaincre et pardonner,
Confondit et Mayenne et la Ligue et l'Ibere,
Et fut de ses sujets le vainqueur et le pere.

В переводе:

Пою героя, кто, разрушивши коварство,
Оружием достал Французско государство;
Кто, долго странствуя меж сопротивных сил,
Наследие свое чрез храбрость получил,
Злых возмутителей испанцев был гонитель,
Стал подданных своих отец и покровитель.

Число стихов то же; но есть ли в переводе гладкость, определенность, приятность, сила оригинала? - В первом полустии вместо кто надлежало бы по грамматике употребить возносительное местоимение который. - Откуда зашло в первый стих коварство? В оригинале его нет. Да и можно ли разрушить коварство? Второй стих таков, что иной не захочет уже и читать далее. Достать Французско государство! К тому же здесь не выражено того, что французская корона принадлежала Генрику и по праву наследственности. - Под сопротивными силами нельзя разуметь ничего иного, кроме неприятельских войск; итак, Генрик долго странствовал между неприятельскими войсками? Но Вольтер и не думал сказать сего. Несчастия, говорит он, научили его царствовать. Сей стих прекрасен в оригинале, и читатель узнает из него, что Генрик был добрый царь. - В четвертом стихе г. переводчик вздумал выразить пропущенное им во втором, т. е. что Генрик был наследник французской короны; но для сего он должен был пропустить весь четвертый стих оригинала, где сказано в похвалу короля, что он умел побеждать и прощать. Confondit значит постыдил, а не гнал: с чего же в пятом стихе перевода назван Генрик гонителем, и притом гишпанцев? Сего не узнаешь и тогда, когда всю поэму прочитаешь. - В шестом стихе не выражено того, что король победил своих подданных и потом стал их отцом. Покровитель есть здесь не что иное, как подставное слово (или, как немцы говорят, Flickwort), не сообщающее никакой новой идеи после отца.

Поэт обращается к истине в сих прекрасных стихах:

Descends du haut des cieux, auguste verite,
Repands sur mes ecrits ta force et ta clarte:
Que l'oreille des Rois s'accoutume a t'entendre,
C'est a toi d'annoncer ce qu'ils doivent apprendre;